

ФЕНОМЕН ПРАВОВОГО ВОСПИТАННЯ В ЗАПАДНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Требин М. П.

Предпринята попытка исследовать феномен правового воспитания в западном образовательно-воспитательном пространстве на основании анализа фундаментальных основ, создающих аксиосферу современного западного общества. Обосновано, что правовое воспитание граждан в демократическом обществе осуществляется с помощью влияния правового государства и развитого гражданского общества, в основе которых — свободная личность с высоким уровнем правового сознания и культуры, социально ответственная, способная отстаивать свои права и свободы, а также конструктивно взаимодействовать с другими личностями во имя общих целей, интересов и ценностей.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правовое воспитание, правовое государство, гражданское общество.

THE PHENOMENON OF LEGAL EDUCATION IN THE WESTERN EDUCATIONAL SPACE

Trebin M. P.

Attempts to study the phenomenon of legal education in the Western educational space based on the analysis of fundamentals of creating value sphere modern Western society. It is substantiated that the legal education of citizens in a democratic society is carried out by influence of the legal state and civil society, which is based on a free person with a high level of legal consciousness and culture, socially responsible, capable of defending their rights and freedoms, as well as to interact constructively with other persons in the name of common goals, interests and values.

Key words: legal culture, legal consciousness, legal education, legal state, civil society.

УДК 340.12

Ю. В. Мелякова, кандидат философских наук

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРАВА: К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ

Проаналізовано методологічні труднощі правової регуляції автономізованих структур, що самоорганізуються (суспільства, дискурсу, наративу). Теоретично обґрунтовано необхідність поширення принципів деконструкції, постструктуралізму

та синергетики на правову реальність з метою узгодження способів буття позитивного права та хаотичного інформаційного простору постмодерну.

Ключові слова: інформаційно-комунікативний простір, саморегуляція, деконструкція, правова інтерпретація, сенс права, правовий нарратив.

Актуальність проблеми. Способ буття інформаційного общества и особенности коммуникативных процессов в нем обуславливают необходимость поисков новых приемов правовой интерпретации, правового применения, а также регулирования, защиты, правового воспитания и т. п. Изменяются также отношение к прошлому, способ контактов с историей, приемы истолкования исторической реальности.

Юридическая практика во многом имеет дело с пространством истории, будь то применение различного рода правового опыта (прецедента) либо обращение к традиции в качестве источника природного права. Это дает основание для того, чтобы провести некоторые аналогии в обосновании методов понимания истории и права. Право, как и история, представляет собой сферу социальных отношений, причем в половине случаев исторически удаленных во времени. И право, и история — бытие идеального. При этом они не принадлежат к миру сущего, зато в большей степени определяют его. Если бытие истории — в минувшем, то права — в должнствующем.

Мир идей и мир социальных связей существуют ныне посредством коммуникации и по ее принципам. Это далеко не всегда приводит к диалогу, консенсусу и договору, но часто — к непримиримому противостоянию, диссонансу, автономизации и деструкции. Поэтому в значительной степени актуальной представляется проблема становления новых смыслов истории и права для субъекта информационно-коммуникативного бытия.

Цель статьи — выявить и проанализировать онтологические и методологические основания для поиска нового смысла права, обнаруживающего очевидную неспособность выполнять свои традиционные функции (стабилизирующую, охранную, регулятивную) в условиях динамического хаоса.

Анализ последних исследований и публикаций. Выход на проблему нового смысла права в современных социокультурных реалиях через пересмотр базовых категорий, семантических структур и герменевтических принципов до сих пор не отражен в философско-правовой литературе. В целях постановки самой проблемы переосмысления права в статье привлечены работы по методологии истории (Б. Кроче, А. Пронштейн, И. Данилевский, М. Блок), философии деконструкции (М. Фуко, В. Подорога, М. Хайдеггер), структурализму (О. Фрейденберг, Ю. Меламед), философии права (В. Речицкий, В. Баранов).

Изложение основного материала. Согласно постструктуралистской методологии и принципу деконструкции события той или иной реальности должны пониматься в момент интерпретации, а не по ее итогам, во избежание излишней тенденциозности и субъективации смыслов познаваемого. В соответствии с этим подходом действительный и значимый правовой смысл проявляется на этапе следственного или судебного дискурса, однако впоследствии полностью замещается «мифом правосудия», конституциализирующем мертвое право как конечную и высшую справедливость. На современном этапе наблюдается возрастание роли текста и его структуры в правопонимании вслед за утверждением данной тенденции в области искусства, литературы, истории.

Записывая события, мы именуем их — присваиваем имена. Именно имя организует все классическое повествование. Однако в отличие от классической теории, где имя является единичным понятием, в неклассической теории понимания имя мыслится исключительно как слово. Оно образуется в процедурах говорения и письма, т. е. прагматически. «Говорить или писать, — отмечал М. Фуко, — означает идти к суверенному акту наименования, двигаться путями языка к тому месту, где вещи и слова связываются в их общей сути, что позволяет дать им имя. Но когда это имя уже высказано, весь язык, приведший к нему или ставший средством его достижения, поглощается этим именем и устраняется. В своей глубокой сущности классический дискурс всегда стремится к этому пределу, но существует лишь отстраняя его...» [1, с. 180–181]. Задачей же является продлить дискурс как можно дольше, для этого прибегают к играм с именем, опасаясь его окончательного конституирования, закрытия смысла.

Сложно отрицать тягу человека к закреплению эталонных значений, оценок и смыслов тех или иных вещей. Для этого и служат имена, часто выступающие в роли ярлыков, которые несут конкретную, устойчивую информацию. Имена составляют нарратив. В правовом пространстве они служат для фиксации определенных правовых категорий, юридических субъектов, полномочий, ситуаций, обстоятельств, правовых дефиниций, приемов законодательной и процессуальной техники. Однако не следует забывать, что имя раз и навсегда не закреплено за вещью, ибо вещь не сводима к собственному имени. Имя — скорее средство, а не цель.

Привычный механизм восприятия «видит» вещь ее именем, полагая, что видит саму вещь. Современный нарратив стремится не быть таким, чтобы узко обуславливать понимание читателя/слушателя. Относительно этого В. Подорога пишет: «Я вижу взглядом, который никогда не попадает в ловушку, расставленную для него, и всегда находит “свой” путь. И в этом случае совершенно не важно, ошибусь я или нет при опознании видимого.

Мой взгляд полностью миметичен и поэтому слеп к ловушкам, в которых может завязнуть моя интеллектуальная способность суждения... Мой взгляд свободен и безответственен» [2, с. 114–115]. Безответственность, конечно, не лучшее качество для правового суждения. Однако метод отделения означающего от означаемого способствует гибкости и беспристрастности суждения, либерализации и чуткости самого права, привлечению его природных источников (традиций, менталитета, социальных настроений, индивидуальных инициатив), обуславливающих однократность и индивидуальность понимания.

Постмодернистская методология интерпретации смысла текста (как исторического, так и правового) ориентирует вовсе не на критику его содержания с точки зрения «идеальных канонов» и в поисках «правды». Неклассическая парадигма в эпистемологии и герменевтике предлагает методы производства смыслов, а не методы открытия смыслов, скрывающихся в мифах. Демифологизация была признана еще тенденцией структурализма первой половины XX в., воплотившись сегодня в развернутой системе методов деконструкции нарратива и его интерпретации.

Итальянский представитель классической философии истории XIX в., Б. Кроче, говоря об историческом нарративе, ставил в упрек ученым тот факт, что хроники и документы, т. е. источники, всегда оставались такими же «непереваренными, необработанными, незрелыми», какими они были в своем естественном состоянии, другими словами — не подвергались критике. В то время как в «поэтической», сюжетно-фабульной истории источники должны претерпевать глубокие изменения, даже «растворяться без остатка», хотя при этом неизбежно искажение, которое совершают историографы, — оно состоит в самом подборе и связи элементов, извлекаемых из источников. «Новая связь есть новый факт и, возможно, факт придуманный — вымысел», — утверждал Б. Кроче [3, с. 24]. Иными словами, в описании произошедших событий факт выступал не как исходная нейтральная информация, а как продукт тенденциозного, мотивированного отбора. Именно это явилось основанием для постструктуралистских поисков способов беспристрастной интерпретации.

Независимо от того, в каком виде дан науке ее предмет и как происходит его изучение — будут ли непосредственные наблюдения этих явлений в том состоянии, в каком они нам даны, или мы будем наблюдать эти явления, искусственно поставив их в особые условия (эксперимент), или же использовать чужие свидетельства о прежде сделанных наблюдениях — во всех этих случаях первоочередной и главной задачей останется констатация того, что нечто существует, совершается либо совершалось в прошлом. При этом констатация произошедшего неразрывно связана с его позитивной оценкой

и присвоением официального смысла. В исторической науке это явление приобретает статус факта, который закрепляется и контекстуально осмысливается, и — это первый шаг к научно-познавательной деятельности [4].

В постнеклассической эпистемологии эта стадия процесса познания действительности отсутствует: феноменологический метод позволяет констатировать не объективные факты, а образы, акты сознания и единичные плоды рефлексии. Современная философия познания избегает наблюдений, концептуализированных по своему существу как факты. Согласно данной методологической тенденции философия понимания истории, например, склоняется сегодня к работе с «подлинными» свидетельствами, т. е. вещественного либо словесного характера памятниками, остатками и следами — в исторической терминологии — источниками.

В юридической науке фактический материал — означаемое — получает оценку, значение и смысл в результате наложения на него устойчивых кодифицированных наименований. Итогом такого позитивного наложения становится юридическая квалификация того или иного факта как соответствия норме или отклонения от нее. Согласно же постнеклассической теории понимания права утрата однозначной связи между означаемым (фактом) и означающим (нормой) стимулирует становление самого телоса права — его прорастание в нормативных смыслах в их живом многообразии (от жизни — к тексту). Отсюда новый образ права не как ограничения, а как возможности. Эффект правоприменения по-прежнему, и даже в большей степени, чем ранее, зависит от широты горизонта интерпретации правового нарратива.

Если цель современной исторической науки заключается уже не в «схватывании» ускользающих времени и действительности посредством констатации их содержания в прокомментированных «фактах», а скорее в индивидуальном освоении опыта прошлого при помощи специфических интерпретационных технологий, то целью правового познания в свою очередь можно считать обустройство морального дискурса на предмет справедливости.

В рамках компаративистского подхода к методологии истории и методологии права следует отметить, что в диалектическом понимании истории господствовал историцизм. Схема историцистского объяснения традиционно охватывала лишь то, что доступно истолкованию с точки зрения идеологической критики. Настоящее оценивалось исходя из его потенциальной способности приближения светлых идеалов будущего, а прошлое расценивалось как детерминанта настоящего. При этом история представлялась предсказуемой и прогнозируемой, а следовательно, объективно обусловлен-

ной. Никакого альтернативного понимания истории не допускалось, пока сохранялось объяснение прошлого, приведенное к общепонятности и идеализации официальных ценностей. Признавались универсальное значение социально-научного факта и абсолютность научной истины на позициях объективизма.

Историческое исследование действительно в той или иной степени проектирует будущее, как и опредмечивает прошлое в виде обозримой и объяснимой системы факторов, а в качестве инструмента опредмечивания она требует критики источников. Однако по мере сближения истории с публицистикой (что отмечал уже М. Хайдеггер) и утверждения в сфере ее понимания сетевой логики, критерии исторической критики изменяются настолько, что сама критика обретает вид сугубо интерпретации, качественно переоценивающей смысл самой истории. Публицистика (мир таблоидов) ориентирована на сообщение, а не как на критику, факт же истории она рассматривает как информацию, а не предпосылки, последствия или прогнозы. К слову, М. Хайдеггер еще тридцать лет назад отмечал тенденцию неизбежной утраты историей позитивной научности, выразившейся в ее критической функции [5].

Во временном, парадигмальном и методологическом планах историцизм соответствует правовому позитивизму. Общими для них являются принципы детерминизма, критицизма, иерархизма и планирования. Так, с точки зрения правового позитивизма юридическое толкование также есть особый род критики с позиции закона согласно принципам формальной логики. Однако всеобщий отход от позитивистской парадигмы требует пересмотра и герменевтической методологии права. Тексты-нормы изменяют свою функцию шаблона и образца на функцию ключа, алгоритма, аналога, посредством которого осуществляется право в сознании его субъектов и отношениях между ними.

Далее речь пойдет о становлении содержания понятия «факт». Быть постоянной или однократной, общественной или индивидуальной, официальной или независимой, обусловленной или спонтанной — это прерогатива оценки, но не научного факта. Эмоции, обусловленные реальными явлениями, их изображениями, символами и знаками, воспоминаниями или напоминаниями о них, могут быть различны. С появлением феноменологического понимания факта, а также герменевтической фактичности, введенной Х.-Г. Гадамером, в дальнейшем — субъективистского и интересубъективистского подходов в практической философии, понятие «факт» в значении очевидного, достоверного знания уступило место известию, значимому сведению, однократному смыслу. Что касается феноменологического «для-

меня-факта», то именно в этой формулировке лучше всего учтена специфика осмысления того или иного явления интерактивным интерпретатором. Любопытно, но у одного из советских литературных критиков О. Фрейденберга, несмотря на то что он рассматривал факт в единой системе диалектических категорий, есть достаточно оригинальное определение факта, подмечающее его несамостоятельную функцию и неустойчивый статус в литературе и искусстве: «Факт есть показатель готового результата: он важен только как средство его отбросить» [6, с. 216]. С точки зрения интерсубъективизма факт есть интенциональная информация, которая пробуждает в исследователе интерес к ней, вызывает его на контакт, дискурс, оставляет возможность ее повторного переосмысления.

Сегодня факт как структура зависимая уступает место информации — независимой и свободной, открытой для доступа и интерпретации. Добывать, владеть и использовать ее способен лишь автономизированный индивид через коммуникацию. Таким образом, в понимании истории и права акцент переносится с согласования факта с контекстом и традицией — на конструкцию открытого трансгрессивного информационного поля фактов для их свободного доступа и использования. Вполне закономерно, что информационное общество (или же стремящееся к этому типу) формирует новые отношения с исторической и правовой реальностью. В. Речицкий отмечает, что свободная коммуникация выработала тип автономного индивида, способного противостоять солидарности бюрократических монстров, авторитарных режимов, тоталитарных партий. Проблемы же информационного общества могут заключаться не в наличии или отсутствии знаний как таковых, а в уровне информационных соединений (связей) — характере интеллектуального взаимодействия. Только бесчисленные информационные транзакции на всех уровнях коммуникации способны превратить знания в фактор прогресса [7]. Информация, в отличие от устойчивого факта, жива лишь в своем обмене и непрерывном перетекании, она имеет смысл лишь постольку, поскольку способна провоцировать непредсказуемые реакции и поведенческую новизну.

Хотелось бы сказать о некоторых нетрадиционных для ученых, но вполне очевидных для обывателя-сталкера характеристиках информационно-коммуникативного пространства, представленного различными формами материального и нематериального выражения. Речь идет о таких свойствах информационной среды и субъектов, в ней обитающих, как спонтанная ориентированность, самодостаточность, бесцельность, или, скорее, самоцельность (в себе цель), неоправданность, неустойчивость позиции. Все это затрудняет (если не исключает) возможность рационального регулирования, систематизации и привлечения к ответственности участников коммуникации.

Так, Ю. Меламед искусно анализирует подоплеку этих трудностей на примере структуралистской оценки текстов в Фейсбуке. По ее мнению, коммуникация — это система, обладающая свойствами самопорождения, самоорганизации и саморазвития (аутопойезис). Единственная ее роль — поддерживать саму себя. В своих рассуждениях исследователь не раз ссылается на известного немецкого социолога, философа и теоретика общества Н. Лумана, по мнению которого у коммуникации вовсе нет ни функции передачи информации, ни функции взаимодействия между субъектами, как можно было бы подумать. Не люди осуществляют коммуникацию, а коммуникация осуществляет сама себя. Зачастую она бессубъектна. Она нерациональна. Коммуникация не имеет цели или же имманентной ей энтелехии. Она происходит или не происходит — и это все, что можно о ней сказать. Внутри коммуникативной системы могут образовываться целеориентированные эпизоды, так же, как и сознание, которое может эпизодически устанавливать цели, но без того, чтобы такая установка целей была бы целью системы. Опровергается тезис о том, что коммуникация якобы нацелена на достижение консенсуса, поиск понимания [10, с. 16–17].

Действительно, коммуницируют в том числе и для того, чтобы обозначить непримиримое разногласие, желая оспорить или дискредитировать кого-либо. И нет никакой настоящей необходимости считать стремление к консенсусу более рациональным и характерным для коммуникации, чем ее стремление к конфликту. А если так, то рассматриваемые качества анонимно-информационной среды обитания свидетельствуют о непреодолимой на сегодняшний день пропасти между нею и регулятивной системой права во всех смыслах: ценностном, онтологическом, гносеологическом и герменевтическом.

Сетевая логика информационного пространства существенно изменяет смысл как истории, так и права. Так, осознавая невозможность объективного историописания и несовершенство комментирующего, критического подхода к ней, теоретики истории все больше обращаются к исследованию исторических источников и их систематизации. В то время, как область правовой теории в принципе представляет собой емкий, конкретный и прагматичный ответ на актуальные запросы современности, то природа ее должна быть максимально мобильной и креативной, т. е. полностью ориентированной на реальность, практику, свидетельство. Следовательно, и сами методы изложения, фиксации, а также интерпретации правовых смыслов также требуют изменения и приближения к матричным структурам, предельно функциональным и эффективным в открытом информационно-коммуникативном пространстве.

Французский историк М. Блок еще в 40-х гг. XX в. отмечал, что власть «сознательных свидетельств» в историческом познании следует ограничить в пользу «невольных свидетельств», как бы подсмотренных, каковыми являются все остальные следы истории, известные археологу и источниковеду [8, с. 33]. И хотя число источников непрерывно растет, понятие свидетельства не ограничивается понятием документа, а остается моделью всякого наблюдения по следам. Из этого следует, что историописание является главным образом истолкованием свидетельств, т. е. проверкой их подлинности, достоверности, разоблачением любого рода обмана, касается ли он автора, даты, юридической либо художественной ценности, а также самого их содержания (степени плагиата, фантазии, подделки).

Юридическое повествование также опирается на факты и свидетельства в целях выведения нового знания или реконструкции сведений о произошедшем ранее. При этом новая реальность вызывает новое видение прошлого, выявляет ограниченные возможности нормативно-оценочного арсенала в связи с возникновением качественно новых отношений (таких как информационные, аудиовизуальные, виртуально-финансовые и т. п.). С этим связана потребность нормативной и процессуальной сторон права в дополнительной мобильности, гибкости, чувствительности, адаптивной способности, инструментальных возможностях и склонности к переоценке собственных принципов в условиях автономизированного социума.

Так, в современной правовой реальности основная функция источника/свидетельства заключается в его беспристрастном самоговорении в ходе умело организованного правового дискурса. Реформирование правовой системы органично развивается от практики — к комментарию (закону), а не наоборот. Законы должны в меньшей степени формировать социальную реальность, чем реальность — законы. Поэтому основными привилегиями нормативного текста являются не его окончательность, идеальность и безапелляционность, а напротив, трансформируемость, многослойность, многогранность, способность к смысловой деконструкции и регуляции нестабильных отношений при сохранении приоритета личных прав и свобод.

Принципы чуткости и гибкости права заложены уже в самой правовой герменевтике, различающей номинальный и применительный смыслы правовой нормы, где последний обнаруживается как открытый в своем многообразии (т. е. специфичный относительно каждого фактического дела). Правоприменительный смысл закона регулируется такими нюансами, как контекстуальность, объем цитаты, сравнительные аналогии, особенности истолкования и, наконец, политическая ситуация, правовая реальность. Поле нормативных смыслов должно быть динамичным и чувствительным к ситуации и личностной судебской интерпретации.

Интерсубъективизм и идея глобальности способствуют популяризации судебного правотворчества, которое основывается на эксклюзивности применения, толкования норм права и возможности формирования их из самой ситуации и юридической практики. Это демонстрация изменения источника права: от верховной власти — к межсубъектным отношениям согласно принципу интерсубъективизма. Данная тенденция саморегуляции структур и самовоспроизводства смыслов становится сегодня всеобщей. Это способ существования систем в информационном обществе.

Информационное правосознание и развитие соответствующих правоотношений имеют чрезвычайное значение при построении информационного общества. Неслучайно во всех странах общественность и государственные органы уделяют большое внимание формированию правильного понимания свободы и контроля в сфере информации. Российские теоретики права отмечают, что необходимость срочной и поспешной разработки нормативно-юридических основ информационных отношений в ряде случаев становится причиной не всегда корректного формирования определенных базовых правовых понятий в этой области, что требует их уточнения в последующих нормативных актах посредством применения такого приема законодательной техники, как дефиниции.

Основная особенность нормативных дефиниций заключается в том, что законодатель дает юридическому термину одно определение, которое должно вобрать в себя все существенные для применения соответствующего предписания признаки, независимые от ситуации и имеющие регулирующий характер. Тем не менее частый факт дублирования дефиниций в различных законах, а также введение новых определений одних и тех же понятий можно считать оправданными, поскольку с изменением общественных отношений выявляются различные аспекты проявлений событий, характеристики предметов и явлений [9, с. 17].

Главная задача нормативных актов традиционно состоит в том, чтобы облечь волю законодателя в нормативно-правовую форму, что реализуется через регулятивную и охранительную функции права. Однако эффективность действия закона во многом зависит от такого свойства этого вида документов, которое может быть охарактеризовано как информационная (или информативная) функция права [9, с. 17]. Только совокупность этих трех функций позволит праву выполнять свои назначение и роль в социальном и государственном управлении. Успешность информационной функции права представляется возможной в том числе благодаря усовершенствованию технологий построения нормативных текстов, а также их интерпретации на принципах корректного алгоритма ситуативного применения.

Выводы. Особенности современного бытия человека в мире требуют иного понимания права и новых способов осуществления его функций. Целесообразным в этой ситуации представляется экспликация герменевтических принципов и семантических методов смысловой интерпретации из области истории, литературы, искусства, которые успешнее адаптированы в синергетическое пространство современности.

Информационное поле коммуникации, измерение социальных и политических связей способны как к спонтанной дестабилизации, так и к самоорганизации посредством внешних контактов благодаря своей открытости. Это реалии современности, к которым оказывается неприспособленной система права, все еще стоящая на командно-административном принципе управления, позитивистском способе понимания и диалектическом методе объяснения. Новый смысл права должен определить его в качестве полномочной и авторитетной структуры, гарантирующей контроль над саморегуляцией социальной, политической, информационной и других систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко : пер с фр. – СПб. : А-сэд, 1994. – 405 с.
2. Подорога В. А. Навязчивость взгляда: М. Фуко и живопись / В. А. Подорога // М. Фуко Это не трубка. – М. : Худ. журн., 1998. – С. 83–138.
3. Кроче Б. Теория и история историографии / Б. Кроче : пер с итал. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 191 с.
4. Пронштейн А. П. Вопросы теории и методики исторического исследования / А. П. Пронштейн, И. Н. Данилевский. – М. : Высш. шк., 1986. – 207 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер : пер с нем. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
6. Фрейденберг О. М. Система литературного сюжета / О. М. Фрейденберг // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. – М. : Наука, 1988. – С. 216–237.
7. Речицкий В. Открытость информации как универсальное требование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // index.org.ru/journal/20/rechizki20.html.
8. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; пер. с фр. – М. : Наука, 1986. – 254 с.
9. Баранов В. М. Информационное право и информационное общество: философские проблемы взаимодействия / В. М. Баранов, М. В. Баранова, С. И. Яночкин // Филос. права. – 2001. – № 1(3). – С. 14–19.
10. Меламед Ю. Перепостили – следовательно, существуют: что такое текст в фейсбуке / Ю. Меламед // Логос. – 2012. – № 2(86). – С. 10–18.

ПЕРЕОСМИСЛЕННЯ ПРАВА: ДО ПИТАННЯ ПРО МЕТОД

Мелякова Ю. В.

Проанализированы методологические трудности правовой регуляции самоорганизующихся автономизированных структур (общества, дискурса, нарратива). Теоретически обоснована необходимость распространения принципов деконструкции, постструктурализма и синергетики на правовую реальность в целях согласования способов бытия позитивного права и хаотичного информационного пространства постмодерна.

Ключевые слова: *информационно-коммуникативное пространство, саморегуляция, деконструкция, правовая интерпретация, смысл права, правовой нарратив.*

RETHINKING THE LAW: ON THE MATTER OF METHOD

Melyakova J. V.

Methodological difficulties of implementing legal regulation of self-organizing autonomized bodies (society, discourse, narrative) were analyzed. Theoretical substantiation of the need to extend applicability of the principles of deconstruction, post-structuralism and synergy onto legal reality to bring into accord the methods of existence of positive law and chaotic postmodern information space was given.

Key words: *information communication space, self-regulation, deconstruction, legal interpretation, meaning of law, legal narrative.*

